

АЛЕКСЕЙ ЧЕРНЯВСКИЙ

КОНТОРА

ЧИСТОГО ДЫХАНИЯ

Алексей Чернявский

Контора чистого дыхания

<https://litres.ru/74577667>

SelfPub; 2026

Аннотация

Спасаясь от столичных коллекторов после краха стартапа в Москве-Сити, визионер и комбинатор Герман Воропаев сбегает в Верхнехолмск — город, сорок лет задыхающийся от куриного амбре птицефабрики «Заветы Ильича». Протаранив на разбитой машине гараж угрюмого советского инженера Аркадия Петровича Зубова, Герман понимает: перед ним золотая жила.

Объединив столичный блеф и советский сопромат, напарники реанимируют заброшенные шахты бомбоубежищ и открывают «Первую городскую станцию чистого дыхания». С помощью советского пылесоса «Ракета», ведер с активированным углем и автоароматизаторов они начинают продавать горожанам альпийский кислород по подписке прямо в квитанциях ЖКХ.

Но когда к авантюре подключаются местный пивзавод, цыганский табор, санэпидемстанция и лично губернатор области, подача воздуха выходит из-под контроля...

Искрометная социальная сатира в традициях Ильфа и Петрова о великой силе отечественного ЖКХ и жажде вдохнуть полной грудью.

Содержание

ПРОЛОГ. Крах метавселенной и великая роза ветров	4
I. Ошибка Госплана и дыхательная культура Верхнехолмска	4
II. Москва-Сити и продажа квантовой праны	7
III. Чайник тети Вали и смерть метавселенной	10
IV. Бегство через пожарный рукав	12
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Аромат малой родины и таран гаражного кооператива	15
I. Пассажир верхней полки	15
II. Атмосферное давление Верхнехолмска	17
III. ГСК «Ветеран турбины»	19
IV. Столкновение цивилизаций	21
ГЛАВА ВТОРАЯ. Штурм цитадели ЖКХ и таинство новой строчки в квитанции	26
I. Парадный кримплен и цитадель на улице Энгельса	26
II. Барьер первой категории: секретарша Людочка	29
III. В бункере районного барона	31
IV. Рождение великой строчки	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Алексей Чернявский

Контора чистого дыхания

ПРОЛОГ. Крах метавселенной и великая роза ветров

I. Ошибка Госплана и дыхательная культура Верхнехолмска

В тысяча девятьсот семьдесят четвертом году в Государственном институте проектирования животноводческих комплексов «Союзптицепром» произошла трагедия, определившая судьбу трех поколений верхнехолмцев.

Главный гидрогеолог проекта, товарищ Куролесов, за сорок минут до наступления первомайского банкета чертил розу ветров Верхнехолмского района. Рука инженера, отягощенная мыслями о налеме горячего копчения и двух бутылках «Столичной», дрогнула. Чертежный рейсфедер сорвался, прочертив стрелку господствующих воздушных масс ровно на сто восемьдесят градусов в противоположную сторону.

В результате этой исторической помарки колоссальная

Верхнехолмская бройлерная птицефабрика «Заветы Ильича» была возведена не с подветренной стороны болот, а строго в полутора километрах к северу от городской площади.

С тех пор триста сорок пять дней в году над городом дул ровный, неколебимый норд-ост.

Воздух Верхнехолмска не подчинялся законам химии Менделеева. Это был густой, монолитный концентрат куриного помета, перепревшего пера и технического аммиака. Запах въедался в шерстяные пальто, пропитывал школьные тетради, передавался по наследству через материнское молоко и намертво консервировал обои в квартирах без всякого клея.

Город выработал уникальный культурный код. Местные жители определяли дни недели не по календарю, а по оттенкам аромата: по вторникам на фабрике мыли курятники каустической содой, и город пах мокрой хлорированной курицей; по пятницам запаривали костную муку, и Верхнехолмск погружался в дымку, сквозь которую солнце казалось вареным желтком.

Городские чиновники боролись со стихией проверенным советским методом. Каждые три года при горисполкоме создавалась «Специальная комиссия по органолептическому мониторингу». Члены комиссии выезжали в сквер, доставали прибор «Эхо-4», замирали с надутыми щеками, после чего единогласно голосовали за резолюцию: *«Запах признать естественным биологическим фоном лесостепной зо-*

ны, способствующим укреплению иммунитета трудящихся».

Дети Верхнехолмска сдавали норматив ГТО по бегу на сто метров с задержкой дыхания, а главной городской мудростью стала поговорка: «Кто в Холмске форточку открыл — тот родину не любит».

II. Москва-Сити и продажа квантовой праны

Ровно за двадцать четыре часа до явления Германа в верхнехолмском плацкарте жизнь комбинатора находилась в зените столичного величия.

Шестьдесят четвертый этаж башни «Федерация». За панорамным стеклом простиралась дождливая, покорная Москва. В воздухе переговорной комнаты благоухало сандалом, свежесжатым соком витграсса и безумием венчурного капитала.

Посреди зеркального зала, ступая бесшумными шагами тигра по ковролину стоимостью в бюджет Верхнехолмского драматического театра, вышагивал Герман Воропаев.

На Германе был приталенный итальянский пиджак за две тысячи евро, шелковая сорочка с расстегнутым воротом и белоснежные кроссовки на воздушной подушке. В руке Герман держал кликер, переключая слайды на огромной плазменной панели. На экране пульсировал неоновый шар, увенчанный надписью: **«AURA-CHAIN: ПЕРВАЯ ДЕЦЕНТРАЛИЗОВАННАЯ ЭКОСИСТЕМА МЕНТАЛЬНОГО ВЫДОХА».**

Напротив Германа на диване из белой кожи сидели инвесторы.

Инвесторов звали Арсен и Рафик. Это были широкопле-

чие уроженцы города Люберцы, одетые в одинаковые черные водолазки, под которыми бугрились трапециевидные мышцы, закаленные на разборках в автосервисах конца девяностых. На массивных волосатых запястьях гостей блестели золотые хронометры весом в полкилограмма каждый. Арсен крутил в пальцах четки из зеленого нефрита и смотрел на Германа с тем выражением лица, с каким мясник на базаре приценивается к откормленному барашку.

— Арсен, Рафик, — бархатным полусшепотом лидера тоталитарной секты вещал Герман, глядя прямо в переносицу главному инвестору. — Человечество устало от материального. Биткоин — это металл. Недвижимость — это пыль. Будущее принадлежит мета-состояниям! Наш проект оцифровывает человеческое дыхание через блокчейн! Пользователь покупает смарт-контракт, надевает VR-очки и делает глубокий вдох тибетской праны. За каждый вдох ему начисляется токен PRANA. Эмиссия ограничена объемом легких да-лай-ламы!

Рафик на диване нахмурился, почесал сломанное борцовское ухо и хрипло спросил: — Слышь, Гера... А если человек курит? Токен падает?

— Токен сгорает! — победоносно вскричал Герман. — Идет обратный выкуп монет с рынка! Дефляционная спираль! Капитализация через сорок дней достигнет ста миллионов долларов! Ваши тринадцать миллионов рублей, которые вы вложили вчера наличными в спортивной сумке, уже

сейчас конвертированы в триста тысяч токенов на сервере в Нидерландах!

Арсен медленно остановил четки: — Красиво чешешь, Гера. Прямо как мой двоюродный брат перед тем, как на шесть лет присесть за фальшивые автографы Киркорова. Но запомни: через сорок минут у нас контрольный срез. Если график на твоём телевизоре не покажет плюс двадцать процентов — Рафик снимет с тебя этот пиджак вместе с лопатками.

— Обижаете, Арсен! — Герман белозубо рассмеялся, отпивая смузи из бокала. — Сервера работают на квантовом алгоритме! Система непотопляема!

III. Чайник тети Вали и смерть метавселенной

Непотопляемая квантовая система располагалась двумя этажами ниже, в серверной комнате коворкинга «Смысл & Точка».

Там, среди мерно гудящих черных металлических шкафов, где миллионы строк кода обрабатывали иллюзорное тибетское дыхание люберецких инвесторов, царил полумрак.

В четырнадцать часов пятнадцать минут в серверную тихо вошла тетя Валя — ветеран клинингового фронта, женщина неопределенного возраста в синем халате с карманом для тряпок и лицом, видевшим крушение трех финансовых пирамид. В левой руке тетя Валя держала швабру, а в правой — электрический чайник «Тефаль» с отломанной крышкой.

Тете Вале очень хотелось горячего чаю с пряником «Тульский».

Окинув взглядом ряды серверных стоек, тетя Валя не нашла свободной розетки: всё было занято толстыми черными кабелями с мигающими зелеными лампочками.

— Ишь, понатыкали гирлянд, дармоеды, — проворчала уборщица, шмыгнув носом.

Не долго думая, тетя Валя подошла к главному распределительному щиту, уверенным движением мозолистой руки выдернула силовой кабель с биркой «*MAIN SERVER:*

METaverse Core Do Not Touch» и воткнула на его место вилку своего чайника.

Чайник довольно зашипел.

В ту же секунду на шестьдесят четвертом этаже в переговорной комнате наступила тишина.

На гигантской плазменной панели неоновый шар метнулся вниз, экран мигнул, окрасился в траурный черный цвет и выдал лаконичное сообщение системной ошибки: **«CRITICAL ERROR: CONNECTION LOST. BALANCE: 0.0000000000»**.

Герман Воропаев замер с поднятым кликером. Смузи в его пищеводе встал колом.

Арсен медленно поднялся с кожаного дивана. Четки в его руках натянулись так, что нефритовые бусины скрипнули.

Рафик молча заблокировал спиной выход из переговорной, засунул пальцы в карманы спортивных штанов и сплюнул зубочистку на персидский ковер: — Ну что, визионер... Кажется, твоя прана только что испустила дух.

IV. Бегство через пожарный рукав

Герман понял: время дипломатии истекло. Наступило время легкой атлетики.

— Арсен! Это атака китайских хакеров! — истошно закричал Герман, тыча кликером в сторону окна. — Смотрите! Они взламывают оптоволокно прямо с дрона!

Оба люберецких инвестора рефлекторно повернули головы к панорамному стеклу. Этой полусекунды Герману хватило.

Комбинатор метнул стеклянный кувшин со смузи прямо под ноги Рафику. Борец поскользнулся на органической жиже и с глухим ревом рухнул на ковер. Герман, перемахнув через журнальный столик с грацией испуганной лани, вылетел в стеклянные двери приемной.

— Держи его! — разнесся по этажу рев Арсена, заглушивший вой пожарной сигнализации. — Ноги оторву!

Герман летел по коридору, не чувствуя под собой пола. За ним, сотрясая перекрытия небоскреба, неслись два центнера разъяренного люберецкого капитала.

Лифты были заблокированы. Герман плечом вышиб тяжелую створку эвакуационного выхода и кубарем покатился вниз по узкой бетонной пожарной лестнице.

Шестьдесят четвертый этаж... Пятьдесят восьмой... Сорок второй...

На тридцатом этаже шнурок правого кроссовка предательски развязался, зацепился за перила, и Герман с размаху приложился челюстью о ступеньку. Не теряя ни секунды, комбинатор с корнем выдернул шнурки из обоих кроссовок, отшвырнул их в мусоропровод и помчался дальше на одних носках, балансируя на скользких ступеньках, как канатоходец.

Внизу, выскочив через разгрузочный шлюз подземной парковки под проливной дождь, Герман нырнул в первую попавшуюся щель между мусорными контейнерами. В кармане пиджака чудом уцелел паспорт и двадцать две тысячи рублей наличными, забытые со вчерашнего обеда.

Спустя сорок минут, сменив три попутки и выкинув сим-карту в водосточную решетку, Герман стоял у касс дальнего следования Казанского вокзала.

В кассовом окошке сидела сонная женщина с золотым зубом: — Куда вам, гражданин?

Герман оглянулся на вокзальные часы, судорожно втянул носом сырой московский воздух и хрипло спросил: — Скажите, милая... А какой поезд уходит отсюда самым первым? В самый глухой, Богом забытый угол, где нет интернета, блокчейна и развитой дорожной сети?

Кассирша равнодушно щелкнула клавиатурой: — Ночной почтово-багажный. До Верхнехолмска. Верхняя полка у туалета. Брать будете?

— Давайте два билета, — выдохнул Герман, роняя смятые

купюры на металлическую тарелочку. — И чай в подстаканнике. Я еду спасать отечественную экологию!

Делай объединение этого Пролога со всеми десятью главами и Эпилогом в единый файл рукописи книги «Контора чистого дыхания», проверяй сквозную нумерацию глав и пиши мне команду составить финальную аннотацию и промт обложки для публикации нового романа, чтобы завершить начатое дело до конца.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Аромат малой родины и таран гаражного кооператива

I. Пассажир верхней полки

В четыре часа утра поезд «Москва — Верхнехолмск» с лязгом и протяжным стоном затормозил у безымянного полустанка. В недрах третьего плацкартного вагона пахло копченой курицей в фольге, вареными яйцами, серыми носками и коллективной усталостью от реформ.

На верхней полке номер двадцать два без одеяла лежал Герман Воропаев.

Герману было тридцать два года, и последние пять лет в столичных налоговых реестрах он гордо числился как «индивидуальный предприниматель и визионер смыслов». На Германе был итальянский приталенный пиджак со следами майонеза на лацкане, узкие дизайнерские брюки и брендовые кроссовки без шнурков. Шнурки Герман выдернул позавчера на заправке под Тверью, чтобы намертво привязать отвалившийся глушитель арендованного «Хёндэ», который он спустя три часа благополучно бросил в кювете.

Причиной внезапной тяги Германа к путешествиям по же-

лезной дороге стал долг в тринадцать миллионов рублей. Деньги были взяты под честное слово у двух спортивного вида инвесторов из Люберец на запуск «квантовой метавселенной для медитативного дыхания». Метавселенная прожила ровно сорок минут, после чего сервер сгорел, а криптовалюта рухнула в бездну быстрее, чем самооценка первокурсника.

В кармане пиджака вибрировал разбитый айфон. На экране светилось: «412 пропущенных вызовов. Абонент: Арсен Коллектор Настойчивый».

Герман осторожно сполз с полки, стараясь не наступить на торчащую в проходе ногу проводницы, и посмотрел в засиженное мухами окно. На фанерном фронто́не вокзала тускло светилась неоновая надпись, где половина букв перегорела:

ВЕРХНЕ...ОЛМ...К — ГОРОД ТРУДОВОЙ ДОБЛЕСТИ

— Прекрасно, — прошептал Герман, поправляя воротник мятой рубашки с выражением лица римского патриция, посланного в Крым. — Здесь меня не найдет даже Интерпол. В этом городе у людей до сих пор кнопочные телефоны и вера в честную приватизацию.

II. Атмосферное давление Верхнехолмска

В уездном городе Верхнехолмске было так много шиномонтажей, аптек и контор микрозаймов, что казалось, местное население появлялось на свет исключительно с тремя целями: пробить колесо, взять в долг до получки на покупку валидола и тихо угаснуть на фоне серого бетонного забора.

Но главной доминантой города была не архитектура. Главной доминантой был запах.

В двух километрах к северу от города раскинулась гигантская Верхнехолмская бройлерная птицефабрика «Заветы Ильича». Ровно в пять часов утра, подчиняясь неумолимой розе ветров, фабрика выпускала в атмосферу продукт жизнедеятельности пятисот тысяч отборных кур.

Это был не просто запах — это была плотная, шершавая субстанция, обладавшая весом, плотностью и консистенцией теплого войлока. Запах входил в форточки без стука, глушил утренний кофе, сворачивал молоко в пакетах и заставлял местных голубей чихать и переходить на бредущий пеший шаг.

Местные жители к воню привыкли. Они боролись с ней проверенным народным методом: плотно закрывали окна, сплевывали под ноги и говорили: «Зато курица в "Магните" по сто сорок».

Герман вышел с вокзала, вдохнул полной грудью утреннюю прохладу — и мгновенно согнулся пополам, выронив паспорт. Глаза его налились слезами.

— Боже... — прохрипел Герман, хватаясь за горло. — Здесь что, взорвался склад с тухлыми динозаврами?! Чем вы здесь дышите?!

Стоявший у входа таксист на ржавой «девятке» цвета «гнилая вишня» невозмутимо сплюнул сквозь зубы: — Птичник качает. Нормально. Сегодня еще с востока тянет, кисловато. Вот пойдет южный — чистый аммиак пойдет, аж в глазах режет. Садись, шеф, за сотку до центра домчу, пока сознание не потерял.

III. ГСК «Ветеран турбины»

Спустя полчаса Герман, занявший у таксиста двести рублей под залог запонок, сидел за рулем полуразвалившегося прокатного автомобиля ВАЗ-2107, арендованного у привокзального сторожа без договора, но с напутствием: «Третья передача выбивает, тормози ручником, если жить охота».

Герман искал временное убежище. В бардачке валялся старый листок с адресом покойного двоюродного дяди: *«Гаражный кооператив № 4, бокс 118»*.

Гаражный кооператив «Ветеран турбины» представлял собой памятник советскому железобетонному сопротивлению. Двести одинаковых серых коробок стояли рядами посреди вековых луж и горок прошлогоднего гравия.

У бокса № 119 стоял Аркадий Петрович Зубов.

Аркадию Петровичу было пятьдесят восемь лет. На нем были синие рабочие штаны, заправленные в кирзовые сапоги, брезентовая куртка и лицо человека, которого государство трижды обмануло с пенсионным стажем. Зубов тридцать лет проработал главным инженером по вентиляции на закрывшемся кирпичном заводе. В кармане его куртки всегда лежали штангенциркуль, моток синей изоленды и складная металлическая линейка.

Аркадий Петрович свято верил в три вещи: в законы аэродинамики 1974 года издания, в силу смазки «Литол-24» и в

то, что девяносто девять процентов человечества — безнадежные идиоты, не умеющие затянуть гайку на шестнадцать.

В этот момент Аркадий Петрович с помощью строительного уровня выверял петли правого гаражного полотна. Створка сидела идеально: отклонение составляло ровно полтора миллиметра.

— Вот так, — с тихим удовлетворением проворчал инженер, затягивая болт. — Теперь еще лет пятьдесят простоит, если эти криворукие из правления столбы не своруют...

Договорить он не успел.

Сзади раздался надсадный вой перегруженного жигулевского мотора, визг лысой резины по мокрой щебенке и истошный крик Германа: — Где тут тормоз, твою мать?!

В следующую секунду «семерка» Германа, пролетев через лужу, с глухим, чарующим грохотом врезалась ровно в середину свежесмазанных гаражных ворот бокса № 119.

Раздался металлический треск. Ворота с петлями вырвало с корнем, и они плавно рухнули внутрь гаража, погребая под собой верстак, три банки с олифой и связку сушеной щуки.

IV. Столкновение цивилизаций

Наступила мертвая, звенящая тишина.

Из-под сплющенного капота «семерки» с шипением поварил белый пар.

Аркадий Петрович медленно опустил строительный уровень. Его лицо не выражало ярости. Оно выражало ту степень ледяного, космического бешенства, с каким токарь шестого разряда смотрит на подростка, забивающего микрометром ржавый гвоздь в забор.

Инженер не спеша подошел к верстаку, достал из-под обломков полутораметровый разводной ключ номер четыре и встал у водительской двери.

Дверь со скрипом отворилась. Из клубов антифризного дыма, откашливаясь и прикрывая нос платочком, появился Герман Воропаев. Он оглядел руины, стряхнул пылинку с итальянского лацкана, посмотрел на стоявшего перед ним монолитного Зубова с ключом наперевес и обезоруживающе улыбнулся:

— Доброе утро! Скажите, а вы когда-нибудь слышали про концепцию осознанного принятия кризиса?

Аркадий Петрович медленно переложил разводной ключ в правую руку: — Я слышал про статью сто шестьдесят семь Уголовного кодекса: умышленное уничтожение чужого имущества общеопасным способом. Ты кто такой, чучело в пи-

жаме? И почему ты въехал в мои швеллеры?

— Герман, — комбинатор протянул холеную руку с идеальным маникюром. — Антикризисный управляющий, стратег, визионер.

Зубов на руку даже не взглянул: — Значит так, визионер. Створки ворот — тридцать тысяч рублей. Коробка сортовая, прокатная — еще пятнадцать. Две банки финской краски и верстак дубовый. Итого с тебя шестьдесят тысяч рублей прямо сейчас. Иначе я этим ключом проведу тебе декомпозицию черепной коробки без наркоза.

Герман глубоко вздохнул, собираясь выдать монолог о кассовом разрыве, но в этот момент ветер снова переменялся.

Со стороны птицефабрики «Заветы Ильича» дохнула новая, концентрированная волна куриного амбре. Воздух стал настолько густым, что его можно было нарезать ломтями и намазывать на хлеб.

Герман позеленел, схватился за радиатор и зашелся в кашле: — Кхе-кхе... Да что ж это такое?! Вы здесь как живете?! Это же геноцид слизистой оболочки!

Аркадий Петрович даже бровью не повел, лишь привычно сплюнул в щебень: — Помет птичий. Фабрика в три смены шпарит. Власти второй год комиссию собирают, замеры делают. Говорят: предельно допустимая концентрация в норме. Воздух родины, паря. Дыши глубже, для бронхов полезно. Деньги давай.

Герман замер. Его взгляд, еще секунду назад затравленный и бегающий, вдруг сфокусировался. В зрачках бывшего криптоинвестора вспыхнула та самая искра авантюризма, которая когда-то заставляла Остапа Бендера продавать вид на пятигорский Провал.

Герман медленно выпрямился, расправил плечи и посмотрел на Зубова глазами мессии: — Аркадий... Вас ведь Аркадий зовут? Скажите мне как технический специалист: люди в этом городе платят за воду?

— Платят, — нахмурился инженер, не опуская ключа. — По счетчику.

— А за электричество платят? — Платят. По двести рублей за киловатт скоро драть будут.

— А за отопление? — Платят, мать их за ногу! Квитанции зимой как за аренду космодрома!

Герман подошел вплотную к Зубову, мягко отвел ладонью разводной ключ в сторону и заговорил горячим, гипнотическим полусшепотом: — А за воздух они не платят. Пока не платят, Аркадий Петрович! Весь город задыхается в курином дерьме. Администрация бессильна. Люди готовы продать почку за один глоток альпийской свежести! Вы понимаете, на чем мы стоим?!

— На битом кирпиче мы стоим, — угрюмо буркнул Зубов. — И ты мне должен шестьдесят тысяч.

— Забудьте про копейки! — Герман взмахнул руками так, будто распахивал небеса. — Вы — гений советской венти-

ляции! Я — бог агрессивного маркетинга и столичного пиара! Под этим городом с шестидесятих годов заброшена сеть бомбоубежищ гражданской обороны с выходами вентиляционных шахт в каждый второй подвал! Мы ставим туда фильтры, подключаем промышленные нагнетатели, заливаем ароматизатор хвои и объявляем открытие **«Первого муниципального оператора чистого дыхания»!**

Зубов остолбенел: — Чего?.. Трубы бомбоубежищ? Да там крысы и сорок лет никто заслонки не крутил!

— Тем лучше! — торжествовал Герман. — Мы назовем это «естественной природной фильтрацией через реликтовые грунты»! Мы будем продавать им подписку на чистый кислород прямо в форточки по двести рублей в месяц! Триста тысяч жителей, Аркадий! Это шестьдесят миллионов чистой прибыли в квартал! Ваши разбитые ворота окупятся через сорок минут после запуска!

Аркадий Петрович посмотрел на помятый капот «семерки», потом на рухнувшие ворота, потом в безумные, горящие глаза столичного прощелыги. Инженер шумно втянул носом куриный воздух Верхнехолмска, почесал затылок разводным ключом и сплюнул:

— Ну, положим, шахты там действительно четвертого класса защиты, вентиляторы типа Ц4-70 стоят, если медь не сдали... Но двигатель там трехфазный нужен. И разрешение от мэрии. А в мэрии у нас сидит Дрожжин — он за копейку удавится и мать родную по смете спишет.

— Дрожжина я беру на себя, — хищно улыбнулся Герман, поправляя пиджак. — Завтра в десять утра мы идем на прием к городской власти. Надевайте лучший костюм, Аркадий Петрович. Мы начинаем операцию по спасению легких Верхнехолмска!

ГЛАВА ВТОРАЯ. Штурм цитадели ЖКХ и таинство новой строчки в квитанции

I. Парадный кримплен и цитадель на улице Энгельса

В девять часов сорок пять минут утра исторический центр Верхнехолмска сотряслся от поступи двух совершенно несовместимых стихий.

По растрескавшемуся асфальту улицы Фридриха Энгельса к зданию Районного управления жилищно-коммунального хозяйства шествовал Аркадий Петрович Зубов. Ради великого похода за шестьюдесятью тысячами рублей инженер извлек из недр платяного шкафа свой парадный костюм. Это был монументальный шедевр легкой промышленности ГДР 1989 года выпуска, сшитый из бескомпромиссного темно-сливового кримплена. Материал не мялся, не пропускал радиацию и обладал способностью сохранять форму гроба даже при ходьбе. Костюм благоухал нафталином такой термоядерной концентрации, что воробьи на липах теряли равновесие, а прохожие почтительно уступали дорогу, прини-

мая Зубова за передвижную станцию химической защиты.

Рядом с ним, пружиня на носках стоптанных кроссовок без шнурков, вышагивал Герман Воропаев. На Германе красовался всё тот же итальянский пиджак, но комбинатор нес его с таким величием, будто шел подписывать акт капитуляции союзных войск.

Здание Управления ЖКХ представляло собой типовую трехэтажную коробку из серого силикатного кирпича. Над массивной дубовой дверью красовалась потускневшая жестяная вывеска: «МУП "Верхнехолмский коммунальник". Прием граждан по личным вопросам: четвертый вторник високосного года с 14:00 до 14:15».

— Значит так, столичный, — прохрипел Зубов, на ходу вытаскивая из кармана металлическую линейку и нервно поправляя галстук шириной в лопату. — Дрожжин — зверь тертый. Он в девяносто шестом году списал на усушку и утруску два километра чугунной трубы диаметром восемьсот миллиметров. Его три раза следователи в прокуратуру возили — он им прямо в кабинете продал партию конфискованных смесителей и ушел со справкой о невменяемости. Если начнешь сыпать своими терминами — он тебя на вахте санитарам сдаст.

— Спокойствие, Аркадий Петрович, — бархатно улыбнулся Герман, поправляя разбитый айфон в нагрудном кармане. — Чиновник районного звена — это хрупкое, глубоко травмированное существо. Он боится только трех вещей:

проверки из Москвы, инфаркта и того, что его обойдут при распиле дотаций. Мы дадим ему четвертое: надежду на орден.

II. Барьер первой категории: секретарша Людочка

В приемной пахло хлоркой, жареным луком из служебного буфета и электрическим чайником «Тефаль», чья накипь уже сформировала внутри собственный сталактитовый хребет.

За столом, отгородившись от внешнего мира баррикадой из папок «К исполнению за 2017 год», сидела Людмила Васильевна — секретарша с тридцатилетним стажем и прической в форме монументального войлочного гнезда. В левой руке Людмила Васильевна держала пилочку для ногтей, а в правой — сборник «Сканворды тещи: 1000 слов на букву П».

Увидев двух мужчин, она даже не подняла головы, а лишь издала горловой звук, означающий высшую степень чиновничьего презрения: — Начальника нет. На выезде по аварии. Будет не раньше пятницы. Приема нет. Заявления бросайте в ящик на первом этаже, его всё равно сожгут.

Герман сделал два плавных шага к столу, склонился над деревянной перегородкой и произнес голосом французского шансонье: — Людмила... Позвольте угадать: Васильевна? Какая экспрессия! Какая осанка! Скажите, почему женщина с профилем примадонны Миланской оперы вынуждена дышать этим ужасным сквозняком из щелей в окне?

Пилочка в руках секретарши замерла. Она медленно подняла глаза, в которых сквозь три слоя туши блеснуло давно забытое женское изумление: — Мужчина, вы с ума сошли? Какой сквозняк? У нас рамы сгнившие, мы их поролоном затыкаем.

— Варварство! — скорбно выдохнул Герман, положив холеную руку прямо на кроссворд. — В столице за такие условия труда профсоюзы объявляют бессрочную забастовку! Но мы здесь именно для того, чтобы спасти ваше здоровье. Федеральная инспекция по инновационной аэрации рабочих мест. С нами главный академик систем воздухообмена Зубов. Мы к Семену Семеновичу на закрытый спецбрифинг. Доложите, дорогая. Губернатор просил не затягивать.

Слово «Губернатор» подействовало на Людочку как удар электрошокера. Она побледнела, уронила пилочку и мгновенно ткнула пальцем в селектор: — Семен Семеныч... Тут к вам... Из области, по вентиляции... С академиком.

Из динамика донеслось тяжелое сопение, бульканье минералки и хриплый бас: — Пусти. Только пусть бахилы наденут, у меня линолеум новый.

III. В бункере районного барона

Кабинет начальника МУП «Верхнехолмский коммунальник» был святилищем стабильности.

На стене висел календарь за 2011 год с изображением тигра и плакат: *«План капитального ремонта кровель — выполним и перевыполним!»*. В форточке торчал доисторический оконный кондиционер «БК-1500», в щель которого была намертво вбита банная губка, чтобы аппарат не выплюнул компрессор на улицу.

Сам Семен Семенович Дрожжин сидел за массивным столом, положив огромные, похожие на совковые лопаты кулаки на раскрытую газету «Верхнехолмский рабочий». Перед ним стояла банка с килькой в томате и оловянная вилка.

— Ну? — буркнул Дрожжин, буравя визитеров маленькими, заплывшими глазками следователя со стажем. — Кто такие? Какая еще область? У меня план по замене стояков горит, котельная № 3 на ладан дышит, а мне тут академиков присылают в кримплене! Аркашка, ты-то куда лезешь? Тебя ж три года как с кирпичного турнули за пьянку на рабочем месте!

— За несоблюдение норм пожарной безопасности директора турнули, а не меня! — оскорбленно взвился Зубов, сжимая линейку. — И вообще, Семен, закрой рот! Ты мне ворота в гараже верни, ворюга! Твои трактористы зимой снег

сгребали — столб свернули, а этот столичный хмырь доломал!

Герман понял, что переговоры стремительно скатываются в привычное провинциальное русло взаимного мордобоя, и мгновенно пошел на таран.

Он с грохотом придвинул стул, сел напротив Дрожжина, расстегнул пиджак и положил разбитый айфон экраном вниз прямо рядом с банкой кильки: — Семен Семенович! Забудьте про стояки. Забудьте про кирпичный завод. Через двенадцать дней ваш кабинет перестанет существовать.

Дрожжин поперхнулся минералкой: — Это... это с какого перепугу?!

— Птицефабрика «Заветы Ильича», — ледяным шепотом произнес Герман, глядя чиновнику прямо в зрачки. — Ветер сменился. Завтра предельно допустимая концентрация сероводорода над зданием администрации превысит норму в четыреста раз. В пятницу в город инкогнито прибывает передвижная лаборатория Росприроднадзора с комиссией Совета Безопасности. Знаете, чей кабинет они опечатают первым? Кабинет начальника ЖКХ, который три года подписывал акты о том, что куриный помет в воздухе — это «естественный хвойный аромат средней полосы»!

Лицо Дрожжина приобрело оттенок его собственной сливовой рубашки. Килька на вилке задрожала: — Да врут они всё... Я замеры делал! Прибором «Эхо-4»! Стрелка даже не дернулась!

— Потому что у твоего «Эха» батарейки вытекли еще при Брежневе! — не выдержал Аркадий Петрович, тыча металлической линейкой в сторону подоконника. — Семен, ты в окно посмотри! У тебя на карнизе ворона сидит в обмороке! Она клюв открыть боится, чтоб легкие не выплюнуть!

IV. Рождение великой строчки

Дрожжин тяжело уронил вилку, шумно задышал и вытер лоб вафельным полотенцем: — Ну ладно... Допустим, пахнет. Да весь город знает, что пахнет! А я что сделаю?! Фабрику закрою? У них крыша в Москве! Мне что, фильтры на весь район из марли шить?!

Герман победоносно откинулся на спинку стула: — Фильтры — это вчерашний день. Мы не будем бороться с запахом. Мы сделаем так, чтобы люди платили вам за право им не дышать.

Чиновник нахмурился: — Это как это? Налог на нос, что ли? Так бунт поднимут. У нас народ нервный, в прошлый раз за вывоз мусора чуть грейдер не сожгли.

— Никаких налогов! — Герман вскочил и начал чертить пальцем по полировке стола воображаемую схему. — Мы реанимируем заброшенные вентиляционные стволы бомбоубежищ гражданской обороны. Шестьдесят шахт по всему Верхнехолмску! Академик Зубов ставит в узловые точки радиальные вентиляторы высокого давления. Мы закачиваем в подземные галереи ароматический концентрат «Альпийская хвоя с нотками эвкалипта». Через вентиляционные каналы домов чистый, озонированный горный воздух под давлением подается прямо в квартиры граждан!

— Чего?.. — Дрожжин ошалело перевел взгляд на Зубова.

— Аркашка, это технически вообще работает?

Зубов мрачно кашлянул в кулак, прикинул в уме сечение советских воздуховодов и нехотя буркнул: — Если заслонки на третьем горизонте ломом сорвать и два нагнетателя Ц4-70 на прямую подачу врубить... продует так, что в пятиэтажках половики к потолку прилипнут. Только фильтры нужны угольные. И ароматизатора цистерна.

— А теперь самое главное, Семен Семенович, — Герман наклонился к самому уху чиновника. — Юридическая обвязка. Мы не просим у вас ни копейки бюджетных денег! Мы заходим как частный концессионер — «Первая городская станция чистого дыхания». От вас требуется всего одна закорючка: ввести в ежемесячный платежный документ новую строку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.